

Ф. Е. Джейранов, кандидат философских наук, доцент
Ижевский государственный технический университет имени М. Т. Калашникова

НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Ф. НИЦШЕ: АНТИГУМАНИЗМ ИЛИ СВЕРХГУМАНИЗМ?

В статье философия Ф. Ницше, по сути, характеризуется как идеология бесконечного культурного творчества. Рассматривается своеобразие постановки к интерпретации Ф. Ницше проблем бытия и человека. Высвечиваются основные контуры «новой морали», которая, по мнению Ницше, должна иметь своим фундаментом жизнь как первую и абсолютную ценность.

F. Nitsche's philosophy as a matter of fact is characterized as ideology of infinite cultural creativity. There is a statement of F. Nitsche's interpretation of problems of life and the Man. Author give the basic contours of "new morals" which, in opinion Nitsche, should have the base a life as the first and absolute value.

Ключевые слова: гуманизм, антигуманизм, нигилизм, декаданс, переоценка ценностей, метафизика, иррационализм, воля к власти, сверхчеловек.

Фридрих Ницше (1844–1900) – яркий представитель философии жизни, один из самых влиятельных и загадочных немецких философов. В творчестве и личной судьбе Ницше «наиболее отчетливо запечатлен драматизм «переходной эпохи» рубежа XIX–XX веков. С одной стороны, Ницше – идеальный наследник философской классики, профессионально и творчески осмысливший как истоки западной культуры (античность), так и другие важнейшие ее этапы (христианство, Возрождение, Новое время). С другой стороны, он – первый декадент, поэт-безумец, пророк, силой своего таланта всколыхнувший долго дремавшие иррациональные пласты европейской культуры. Столкновение этих двух тенденций во многом и обусловило многоплановость и противоречивость как самого творчества Ницше, так и его последующего влияния.

Содержание и значимость нравственно-философских исследований немецкого мыслителя Ницше и по сей день в нашей стране вызывает дискуссии. Известно, что в советский период ницшеанство однозначно рассматривалось как реакционное и античеловеческое по своей сути учение. Начиная с 90-х годов XX века, маятник качнулся в обратную сторону: Ницше предстал уже как гуманист и даже в каком-то смысле больше гуманист, чем сами гуманисты [1]. Это мнение в последнее время стало доминирующим, но все же имеется определенный круг авторов, которые, как бы продолжая традиции советской историографии, нередко искажая взгляды мыслителя путем явного пренебрежения контекстом и даже откровенного передергивания фактов, все еще причисляют его в разряд «духовных отцов фашизма», антигуманистов [2].

Что бы ни утверждали по данному поводу обвинители и адвокаты Ницше, положение ницшеанства относительно гуманизма, с одной стороны, и антигуманизма и даже шовинизма – с другой, все еще остается проблемой. По-своему правы и те и другие. На самом деле, в плане аксеологии Ницше – вполне сознательный антигуманист, а его социально-политические воззрения не выходят за рамки макиавеллизма и культа господства и власти. Но это не означает, что его следует заклеить как антигуманиста, проповедника войны, насилия и предать анафеме. По своей сути философия Ницше обладает достаточно значительным освободительным потенциалом, и к его творчеству нельзя подходить с позиций однозначной логики. Она по меньшей мере двухзначна, но чаще всего многозначна и определяется контекстом. Поэтому более адекватной, на наш взгляд, представляется интерпретация философии Ницше как идеологии бесконечного культурного творчества, данная С. Л. Франком в своей работе «Фр. Ницше и этика «любви к дальнему» [3].

Весь пафос философии Ницше составляет стремление к совершенствованию культуры, стремление понять уникальность каждой личности, ее свободу. Она так же, как и философия любого другого крупного мыслителя, имеет свою специфику отражения бытия человека в мире, понимания внутреннего мира, цели и предназначения его жизни. Используя лишь ему присущие источники, средства и методы, Ницше дает свой вариант решения этих проблем, свое понимание человека, его свободы и отчуждения. Поэтому важно при исследовании его творчества не становиться в позицию «НАД»: следует не подвергать мыслителя суду, а попытаться беседовать с ним, входить в напряженный континуум его сознания и размышлять по поводу его мыслей, деятельности и понять, что действительно ценно в его творчестве, в его духовном опыте. Только так можно приблизиться к той «глубочайшей истине», которую нес человечеству Ницше [4].

Традиционно философию Ницше связывают с тем, что он подверг резкой критике классический рационализм, что он является ярким проповедником индивидуализма, волюнтаризма и иррационализма, представителем той линии развития философии, которая совершила крен, противоположный немецкой классической философии, возведший на трон объективный разум, и низвергла его. Достаточно часто его считают «одним из основателей философии жизни» [5], философии, которая стремится понять жизнь из нее самой, ставит и решает вопросы о смысле, цели и ценности самой жизни. Иногда сам он характеризовал свою философию как нигилизм, и понятие «нигилизм» является центральным в его философии. Поэтому его

также причисляют к основоположникам философии отрицания – нигилизма [6]. Соглашаясь с этим, следует иметь в виду, что помимо чисто критической, Ницше в своих трудах решает и позитивную задачу, что его нигилизм особого рода. Какого?

Общепринято, что нигилизм (от лат. *nihil* – ничто) – позиция абсолютного отрицания, достаточно часто представляющая собой крайний скептицизм, реакцию, направленную на догматизм, бессодержательность которой стала явной [7]. В таком понимании нигилизм процветал в XIX веке во всей Европе, особенно в России, и в целом представлял собой негативную и деструктивную установку по отношению к совокупности моральных, политических и религиозных учений, которые воспринимались нигилистами как ограниченные и обскурантистские. Что касается русских нигилистов, то главный их лозунг – вера в «ничто». Последнее не есть пустота, а, с одной стороны, оно связано с утерей доверия к убеждениям, вкусам и установкам старшего поколения, заодно и к их авторитету, с другой – предполагает веру в реальный факт, веру некритическую с позиций вульгарно-материалистически понимаемой науки. Для них наука – это хранилище истин или метод их открытия. Этот момент достаточно четко подметил Ницше: «Истина, – пишет он, – сама полагалась бытием, богом, высшею инстанцией, потому что в истине не смели видеть проблему» [8]. Такого рода нигилизм проистекает из состояния ума, когда, научившись не доверять какому-то одному авторитету, он стремился найти другой, в данном случае науку. Русским нигилистам трудно действовать в этом мире, не предполагая того или иного внешнего источника авторитета и значимости. Прекрасно поняв суть такого нигилизма, Ницше направил все свои титанические усилия на поиск его причин и последствий, поиск выхода человека из такого состояния ума.

Для более или менее адекватной интерпретации нравственно-философских воззрений Ницше важно найти такой метод исследования, который позволил бы рассматривать в единстве, в исходной взаимопринадлежности главные составляющие его философии: «ницшеанский нигилизм», «переоценку всех ценностей», «волю к власти», «вечное возвращение того же» и «сверхчеловека». Эти компоненты показывают метафизику Ницше каждый раз в одном, но всегда определяющем целом аспекте. Мы узнаем, что такое нигилизм в смысле Ницше только тогда, если мы одновременно и во взаимосвязи поймем, что такое «переоценка всех ценностей», «волю к власти» и др. И на возвратном пути от удовлетворительного понимания нигилизма может быть так же подготовлено уже знание о существовании всех остальных составляющих. Трудности здесь заключаются в том, что их необходимо не просто вычленив из калейдоскопа афоризмов, фрагментов, разрозненных набросков, законченных мифов, но структурировать, классифицировать, рационализировать, сложить их в некую мозаику с четким рисунком. Для обозначения указанных компонентов следует сформулировать ряд положений, которые суть теоретические их зарисовки, высвечивающие грани мировоззрения Ницше, раскрывающие действительное и смысловое их единство, но не разрушающие при этом целостность исследуемого предмета. В сжатой форме логику рассуждений, содержание нравственно-философских воззрений Ницше можно выразить в следующих положениях.

Первое. По мнению Ницше, то состояние ума, которое порождает нигилизм негативности и пустоты, – это продукт определенной культуры, которая формирует тип личности, постоянно пытающийся навязать порядок и структуру лишенной порядка и структуры Вселенной, дабы сохранить чувство собственного достоинства и значимости [9]. На самом же деле не существует никакой подлинной, рациональной или милосердной Вселенной, никакого истинного бытия. Мир есть постоянное «становление» и бесцельность – оно никогда не может «про-» и «вы-»двинуться за пределы самого себя и какой-либо «цели», что выражается в идее вечного возвращения одного и того же. Ницше пишет: «Все уходит, и все возвращается; вечно катится колесо Бытия... Все умирает, все вновь расцветает; вечно бежит год Бытия... Все разрушается, все строится вновь; вечно возводится все тот же дом Бытия. Все разлучается и встречается вновь; вечно верным себе остается Кольцо Бытия» [10]. В этот процесс вечного возвращения включен и человек. «Вот я, – пишет Ницше, – умираю и исчезаю... и во мгновение ока обращаюсь в ничто. Души также смертны, как и тела. Но возвратится узел причин, в котором я запутан, он снова создаст меня! И сам я – одна из причин Вечного Возвращения... Я возвращаюсь... к этой же самой жизни как в самом великом, так и в самом малом...» [11]. Такой мир лишен ценности, ибо в этом нерасчлененно-целостном потоке бытия нет ничего такого, что имело бы смысл считать обладающим ценностью и чему могли бы соответствовать наши убеждения. Прозрение того, что каждое убеждение, каждое принятое за истинное, необходимо ложно, ибо вообще не существует истинного мира, и есть крайняя форма нигилизма. Поэтому то состояние ума, которое навязывает этой неподлинной реальности, лишенной ценности, порядок, структуру и цель, должно быть преодолено. Только тогда исчезают основания для разочарования, пессимизма и отчаяния, и нигилизм, связанный с изменением прежнего отношения к ведущим ценностям, достигает полноты, становится свободной и чистой задачей установления новых ценностей.

Второе. Для Ницше нет никакой разделенности двух миров, никакого сверхопытного (трансцендентного) мира, «вещи в себе» не существует. Существует только трансцендентно-имманентный нашей реальной жизни Абсолют, называемый Первоединым и жизнью. Жизнь – это то, что объединяет мир в целостность, что дает бытие любому явлению, начало всему, но сама ни из чего не производна и никогда не начиналась. Она – субстанция, при том субстанция деятельная, проявляющая себя в творчестве, в становлении, в непрерывной изменчивости, в создании новых форм. Она исключает бытие как олицетворение покоя и проявляет свою сущность в том, чтобы действовать и утверждать полноту существования. Источником

(механизм) активности жизни является воля к жизни, инстинкт завоевания, преодоления препятствия, господства. Она действует как подсознательная воля к могуществу, к власти, к порабощению слабого сильным, к насилию. Вся жизнь стремится к максимуму чувства власти. Жизнь и есть жажда власти [12]. Она во всем хочет торжествовать победу, существует и творит бессознательно, иррационально: чем меньше в явлениях рациональности и ментальности, тем больше в них жизни, тем они истиннее и подлиннее. Жизнь – это добиологическая реальность, изначально совершенна и не тождественна с живым веществом, имеющим ступени совершенства. Она деятельное первоестество Вселенной. Она космична и биологична: она воля к власти как принцип мирового бытия и «вечного вращения». Во всем мире нет ничего более элементарного и вообще ничего иного, чем эта воля и ее разновидности [13].

Третье. Воля к власти составляет сущность жизни и прорывается в каждом человеке [14], представляя собой при этом свойство инвариантное для всех, как слабых, так и сильных. Первичным и абсолютным в бытии выступает совокупность творческих центров Я – совокупность личностных начал, порождающих все мировое Бытие. Бытие концентрируется в каждой отдельной личности и находится в состоянии бесконечного творческого становления. Человек как высший носитель воли к власти связан с Первоединым, имеющим посюсторонний характер, и только человеческая личность выступает в качестве адекватной формы явления Первоединого. Последний является тем элементом в метафизической конструкции Ницше, который помогает устранить разделенность двух Миров. Мир в той форме, в какой он явлен нам, зависит от установок и творческой энергии человеческих личностей. Он есть то, что мы сделали и должны воспроизвести, у него нет другой структуры и другого значения помимо тех, которые мы ему приписываем. Поскольку воля к власти в своей универсальности выражает полноту жизни, ее сущность, полноту творческой энергии человеческой личности – каждой личности и всей их совокупности, их метафизического единства, постольку жизнь реализуется в человеке прежде всего через его творческие усилия по созиданию культуры. Это состояние Ницше и обозначает термином *сверхчеловек* – человек, обладающий автоматизмом воли к власти, способный говорить решительное «нет» несовершенству и неправде мира и находить в себе идеал совершенства и правды. Он становится господином над собой, над собственными добродетелями, прежде бывшими его господами, а теперь ставшими орудиями наряду с другими орудиями. «Где понижается воля к власти, в какой бы то ни было форме, – пишет он, – там всякий раз происходит также и физиологический спад, *decadence!*» [15].

Четвертое. Конструируя мир и действуя, человек преобразовывает его для своих нужд, изменяя при этом и самого себя. Он – созидающее себя существо, которое смотрит на вещи сквозь призму своих потребностей и познает не мир, а самого себя. Познание суть очеловечивание сущего. Человек имеет цель внутри себя: его цель – это жизнь, первичной клеточкой которой является тело, развивающееся из биологических потребностей по законам самой жизни. Тело господствует и является господином над Я, а инструментом и игрушкой в его руках являются дух и интеллект [16]. Человеческий интеллект не познает, а схематизирует мир в угоду практической потребности. Все живое и становящееся способно познать только интуитивное, конкретное мышление, но не абстрактное. Последнее идет своей дорогой и все далее уходит от жизни, порождает свою действительность – искусственную. Становясь частью этого мира, человек превращается в искусственное существо, а все искусственное так или иначе душит жизнь, подавляет творческие импульсы и волю к власти. За мысль приходится расплачиваться усыханием плоти, экзальтация духа сушит тело. Человек оказывается в состоянии безжизненной стагнации и становится больным животным – то плачущим, то смеющимся, то счастливым, то несчастным. Он ищет смысл везде, даже там, где его нет, из всего делает знаки, везде ищет значение, и это относится, прежде всего, к ценностям и целям. Такой человек не способен в своей жизни превзойти себя и стать неповторимой плодотворной личностью, творящей культуру и оказывающей воздействие на окружающий мир и людей вокруг. Он отчужден от своей сущности – творческого потенциала, жизненного порыва, высокой культуры и подлинного знания.

Пятое. Преодоление такого состояния, по Ницше, предполагает переоценку всех ценностей, формирование культуры, для которой главным капиталом станут люди, чувствующие ответственность перед жизнью и способные принять судьбу и осуществить волю к жизни и власти. «Переоценка» означает, что исчезает именно «место» для прежних ценностей, изменяется вид и направленность полагания ценностей, определение их сути и само бытие впервые осмысливается как ценность. Происходит не просто обесценение прежних ценностей, но прежде всего лишается корень сама потребность в ценностях прежнего рода на их прежнем месте, а именно в сверхчувственном, где господствует неизменность. Только так возможно преодоление утраты воли к власти как первоосновы жизни, общества и мотива человеческой деятельности. Поэтому нигилизм Ницше – это не идеология, а метафизика, призванная расчистить почву для подлинного творчества, представив мир во всей его наготе, лишенным значения цели или формы. Такой нигилизм представляет собой полностью лишенную иллюзий концепцию мира, новый путь к «да», связанный с любовью к своей собственной судьбе, а последняя – с вечным возвращением, а оно, в свою очередь, связано с учением о Сверхчеловеке.

Высветив некоторые грани мировоззрения Ницше, можно констатировать, что как философ-системосозидатель он не силен и для выражения своих мыслей, определенных идей и представлений предпочитает не аргументацию и доказательство, а броский афоризм, ассоциативный образ, парадоксальное выражение. И в этом, как говорил сам Ницше, нет ему равных. Он силен и в принципе несравним как критик, разрушитель всей предшествующей философской традиции, метафизики, побуждающий к еще

неиспытанному опыту, предвосхищающий неклассические типы философствования. Он – символ разрушения всего ставшего и принципа становления и новизны, стремления выйти из конечности и приобщиться к бесконечности, слиться с первоединством природы, с универсумом. Хотя концептуальный тип мышления ему был противопоказан, но все же в его мировоззрении прослеживаются основополагающие идеи-убеждения, к которым сводятся и из которых выводятся все его суждения, умонастроения и образы.

Выстраивая новое мировоззрение, Ницше создает достаточно последовательную и связную метафизическую концепцию личности, которая, порывая с классической традицией, тем не менее не является абсолютно «беспредпосылочной». Скорее всего, она представляет собой развитие давней мировоззренческой парадигмы, которую условно можно назвать гностико-мистической (Р. В. Светлов). Важным ее признаком является представление об особой (центральной) роли человека в бытии, т. е. своеобразный антропоцентризм, полагающий глубокое и неразрывное единство первоосновы (Бога) и человека и предельную значимость деятельности человека – его творческой свободы – для судеб мироздания [17]. В ее рамках метафизический мир теряет свое превосходство над эмпирическим, который и определяет судьбу всей реальности.

Таким образом, своеобразная постановка и интерпретация проблем бытия и человека, новое толкование субстанции обусловили своеобразие и новизну постановки и решения проблемы свободы и отчуждения человека, иное понимание сути отчуждения и перспектив его снятия, иное понимание всей истории развития и углубления отчуждения. Важнейшей чертой его философии является обвинительный вердикт человеческому интеллекту, его способности понять, познать и преобразовать мир, сопровождающийся бунтарской критикой всех базовых ценностей европейской культуры и цивилизации. Прежде всего он отвергает разумность бытия, но если мир неразумен, то в нем нет никакого положительного начала – истины, добра, справедливости. Отсюда и ницшеанский лозунг радикального преобразования всей цивилизации, лозунг переоценки всех базовых ценностей, прежде всего тех, которые защищаются христианством, демократией и социализмом. Смысл его заключается в следующем: все то, что обычно признается ценным, на самом деле не имеет ничего общего с подлинной ценностью. Нужно все поставить на свои места: на место мнимых ценностей поставить истинные ценности, связанные с индивидуальным бытием. При этом следует встать «по ту сторону добра и зла» [18], пределами которых исчерпываются все формы существующих моральных отношений. Именно сфера «по ту сторону добра и зла» и есть сфера свободы воли к власти.

Рассматривая господствующую тогда в обществе мораль, Ницше утверждает, что, имея своим основанием предположения о всеобщем равенстве, о свободе каждого, об абсолютности моральной ценности, которая не требует никаких доказательств, поскольку она не средство, а цель, включающая в себя принципы справедливости, добра, альтруизма или любви к ближнему, сострадания, милосердия и приоритета духовных ценностей, традиционная мораль несет ответственность за падение человечества. Оно, по мнению Ницше, на протяжении последних двух тысячелетий находится в состоянии декаданса, заболело смертельной болезнью воли к смерти. Ницше ратует за новую (истинную) мораль, краеугольными камнями которой должны стать совсем другого рода ценности – ценности, утверждающие полноту проявления человека и всего земного бытия. Сущность же человека в его самодетерминации в том, что трансцендентное не внеположено, а наоборот, внутренне мне.

Новая мораль должна исходить прежде всего из того, что истинная справедливость основана не на равенстве: каждый имеет столько, сколько заслуживает, а заслуги его измеряются количеством жизни. Равенство – это признак упадка, отчуждения, ибо данный принцип имеет своей целью великого и свободного человека поставить на одну доску с жалкой посредственностью, рабом по духу. Это желание рождено завистью ничтожеств по отношению к тем, кто выше, кто лучше, кто храбрее и достойнее.

Согласно Ницше истинным языком справедливости должна стать формула: «Равным – равное, неравным – неравное». Из этого следует, что «неравное никогда нельзя сделать равным» [19]. Новая мораль назначение человеческой жизни видит не в увеличении добра. Сама жизнь есть высшее и величайшее добро, и только это имеет значение. Всякие добродетель, долг, добро в себе, имеющие характер безличности и общепринятости, а также принципы альтруизма, милосердия, любви и сострадания есть только химеры, в которых выражается закат, потеря последних сил жизни. Дело не в любви к ближнему: уважения и поклонения достойны лишь лучшие – наиболее сильные. Требованием жизни является не спасение и даже не помощь слабым, а лозунг: «Падающего подтолкни!» [20]. Ницше уверяет, что именно через сострадание теряется сила, через которую на эту землю могли бы снова прийти красота, величие, доблесть, свобода (свобода как господство воинственных и победоносных инстинктов над инстинктом счастья). Ложью является и принцип общественного блага. Не массы, а только великие индивидуальности имеют ценность. Масса же может представлять интерес или только как копия великого, или как сила, сопротивляющаяся ему, или как орудие в его руках. Принцип общественного блага культивирует посредственность и тем самым разрушает истинно ценное – жизнь.

Не только мораль, но и вся господствующая в обществе система ценностей, согласно Ницше, базируется на ложной психологии, ибо не признает природных инстинктов, обрекая тем самым людей на следование принципам, не совместимым с их природой [21]. В результате теряется связь человека с Первоединым, что и составляет отчуждение людей на сущностном уровне. Именно провозглашаемое в обществе равенство и появление представительных органов, призванных поддерживать установленную иерархию и защищать

свободу физиологических неудачников – тех, которым природой отказано в жизненной энергии, необходимой для самоутверждения себя в качестве свободной личности, – являются первыми и самыми опасными симптомами упадка и отчуждения здоровых форм жизни, вырождения гибели всего человечества. Отчуждение проявляется в том, что «пропасть между отдельными людьми, отдельными классами уменьшается» [22], инстинкты ранга ослабевают, мощные повелители, способные держать толпу в повиновении, заменяются собраниями разумных стадных людей. Ницше утверждает, что именно «торжество стадного начала» [23] означает демократию. Социализм же – это нечто более страшное: бессильное безумство тиранов, одержимых безумным пламенем мести и маскирующих свои стремления сладкими словами о равенстве, справедливости, добре и прочее. Последние призваны ретушировать истинную сущность человека как хищного животного, побуждаемого в своих действиях необузданными инстинктами. Самым страшным и привлекательным из них является стремление к господству, жажда мести и завоеваний. Именно в войне всех против всех происходит отбор наиболее ценных индивидов, формируется высший тип личности. Без этого человечество добреет, изнашивается, мельчает, стареет, морально умирает. «Война и мужество, – пишет Ницше, – совершили больше великого, чем любовь к ближнему», она «учит всех понимать свободу» [24]. Свобода означает, что мужественные, воинственные и победоносные инстинкты господствуют над другими инстинктами, например, над инстинктом «счастья». Счастье неотделимо от борьбы за власть.

Размышляя о бытии человека и общества, Ницше утверждает, так называемый общественный прогресс является свидетельством немощи человека, а его деградации, его «омассовления», самодовольного невежества, культурного и физического вырождения. В современном социуме человек несвободен и отчужден. Это связано с тем, что человек подчиняется общепринятому, живет в соответствии с всеобщими нормами и требованиями среды и тем самым теряет самое ценное – свою уникальность, теряет себя. Никто не стремится проявить свою личность, свою волю, но каждый носит маску или образованного человека, или ученого, или поэта, или политика и так далее. Жизнь здесь сводится к тому, что каждый отдельный индивид приносится в жертву и служит орудием. В таких условиях теряется смысл и цель человеческого существования. Ницше замечает, что аскетический идеал христианства хотел освободить человека от бессмысленного страдания, но достигал это тем, что отторгал человека от основ его бытия и уводил в ничто, а по сути ввергал в мир страдания [25]. Суть проблемы в том, что в христианской морали всегда закреплялось желание улучшить человека: улучшением называлось укрощение человека-зверя, выведение определенной людской породы [26]. Такого рода «творчество», непомерно сузив пространство свободы воли человека, погасило в нем индивидуальное, личностное начало, подчинило отдельного человека прагматическим установкам рода, превратило его в субъекта – децентрированную субъективность, выходящую за рамки повседневной жизни индивидов. Человек оказался в мире фантазии, в мире извращенном, вывернутом наизнанку, полным ясных сновидений. Он живет в этом мире.

Противоположностью этому, – утверждает Ницше, – является не истинный мир, а бесформенный, недоступный формулировке мир хаоса ощущений, уходящий своими корнями в жизненное начало, первичной клеточкой которого является тело. Тело, развивающееся из биологических потребностей по законам самой жизни, не нуждается ни в духе, ни в интеллекте, берет на себя антирационалистическую нагрузку, встает против истины разума и бытия, является воплощением жизни и живет, ощущает, переживает, мыслит в соответствии с инстинктом воли к власти.

Воля к власти является первоосновой всего сущего, самым элементарным фактом, принимаемым априорно и не нуждающимся ни в каких доказательствах. Она в основном выступает в роли методологического принципа интерпретации общественных отношений, которые, согласно Ницше, основываются на господстве и подчинении, являясь теоретическом орудии доказательства их космической предопределенности. Все живые существа, в том числе и человек, предстают как определенная иерархия сил, соперничающих друг с другом за господство. Именно агрессивные эгоистические инстинкты лежат в основе жизни вообще, и ее надо принимать такой, какой она есть, – «как присвоение, преодоление чужого и более слабого, подавление, навязывание собственных форм, как эксплуатацию» [27]. Последняя, по Ницше, не есть форма отчуждения, принадлежность к несовершенному обществу. Она принадлежит к сущности всего живого как основная органическая функция, «коренной факт (Ur-Faktum) всякой истории» [28]. Вся человеческая история, по Ницше, представляет собой борьбу двух типов воли к власти – воли к власти сильных (господ) и воли к власти слабых (рабов) [29]. Во всех поступках последних проявляется пессимистическая злость по отношению к положению сильных, тяготение к нивелировке, равенству и прочие низменные инстинкты [30]. Напротив, у избранных воля к власти является созидательной. Они есть соль земли, единственный смысл и цель человеческого существования. Самым существенным для них является принятие с чистой совестью жертвы бесконечного числа людей, которые ради них должны быть несовершенными людьми и низойти до степени рабов и орудий. Общество же может и должно существовать не ради самого себя, а лишь как фундамент, подмости, по которым избранный ряд существ, призванных для выполнения высших задач, мог бы подняться до истинного, всестороннего существования [31].

Подчеркивая несвободу и отчужденность человека в современном ему обществе и непосредственно сопрягая проблему отчуждения с проблемой свободы, Ницше утверждал, что, как и в прежние времена, так и теперь, все люди делятся на рабов и свободных. Тот, кто не может располагать двумя третями дня лично для себя, должен быть назван рабом, кем бы он ни был: ученым или плотником, чиновником или купцом.

Поэтому Ницше приходит к выводу о праве личности отрицать существующий порядок вещей: он предлагает не свержение строя, порождающего несвободу, а возрождение идеала сильной и свободной личности, отказ от культа слабости и униженности, покаяния, жертвы и самопожертвования, навязанного религией лицемерия. Это отрицание должно иметь целью не установление социального равенства, а, напротив, разрушение самой идеи равенства всех людей. Более того, критикуя социальную систему, построенную либо на безмерном подчинении какой-либо идеологии, либо на принципах утилитаризма и прагматизма, где обесценено главное – личность, ее индивидуальность, неповторимость, – он выдвигает собственную концепцию движения человечества к новому, элитарному обществу, построенному на принципах неравенства, утверждает право более сильного (аристократичного, благородного) на попрание прав низшего, слабого. Тем самым Ницше, вольно или невольно, возводит отчуждение в ранг вечного спутника человечества.

Итак, своеобразие и новаторство в постановке и интерпретации проблемы человека – отчуждения – заключаются в том, что Ницше фактически прервал ту традицию, в которой родилось понимание человека как некой, уже установившейся сущности и предполагающей приоритет всеобщей духовной субстанции над отдельными эмпирическими индивидами. Он утверждает, что человек (в отличие от других биологических видов) находится в процессе становления. Индивид рассматривается им как бесконечно становящаяся ценность, процесс, неисчерпаемость. Высшим благом для человека является его личность – то, что дала ему природа, что воплощено в его телесности, – инструментами которой являются дух и интеллект. Воля к жизни (или к власти) – это единственная возможная истина в мировом хаосе – несомненное благо, поэтому ее надо всячески поощрять, развивать, взращивать и лелеять. Чем сильнее развита воля к власти, которую следует понимать как стремление воплотить, реализовать себя наиболее полно, тем полноценнее и значительнее наша жизнь и, наоборот. Жизнь – это цель внутри человека. Однако современная культура, которую Ницше оценивает как культуру декаданса, способствуя повышению интеллекта человека, ослабляет инстинкт, приглушая ощущения его спаянности с природой, умаляя смысл жизни как единственно абсолютной ценности. Мораль такой культуры, явно умаляя ценности земной жизни [32], не способствует реализации подлинной сущности человека. Именно Богу принадлежит здесь свобода, он творит все ценности мира, что отрицает свободу мышления, самостоятельность действий человека и делает его отчужденным от творческой мысли, от творчества вообще.

Соединяя индивидуальность человека с его свободой, Ницше предлагает «убить Бога» и обрести свободу, то есть обрести творческий импульс, стать источником и движущей силой процесса становления ценностей. Но это будут конкретные ценности конкретного человека, которые появятся в результате осуществления воли к власти, воли над собственной жизнью. Ницше полагает, что это станет возможным, когда человек нормализует отношения с самим собой, своей волей к жизни и волей к власти, принимает жизнь и мир в качестве главной сферы бытия. Для этого предлагается новая, истинная, не отчуждающая мораль, которая должна иметь своим фундаментом жизнь как первую и абсолютную ценность. Она вырастает из жизни, идет от индивида, верит в возможности самого человека – единственного творца и самого себя, и всей истории – и должна учить людей «искусству посюстороннего утешения» [33]. Анализируя эту сторону взглядов Ницше, Ж. Делз правильно замечает, что «в идее сверхчеловека заключено убеждение в бесконечном творческом становлении самого Бытия, концентрирующемся в каждой отдельной личности» [34].

Прежде всего, сверхчеловек должен освободить в себе подавленные инстинкты, он признает только одно право – право сильного волей на власть, придерживается принципа «равным – равное, неравным – неравное», из которого следует: «неравное никогда нельзя сделать равным» [35]. Его отличает величие духа, высота стремлений и даже совесть. Среди себе подобных он благороден, уважителен и уважаем. Остальные же недостойны его любви и сострадания [36], ибо они могут и должны существовать не ради самих себя, а лишь как фундамент, подмости, по которым избранный ряд существ мог бы подняться до истинного, всестороннего существования. Сверхчеловек – результат культурно-духовного совершенствования человека, тип, настолько превосходящий современного Ницше человека по своим интеллектуально-моральным качествам, что он образует как бы новый и особый биологический тип. Важно, что такого рода вознесение над прежним уровнем происходит не ради произвола и господства над другими, а ради нового бытия, к которому тогдашний человек по сути своей был просто не готов. Их господство – это власть в силу выдающихся духовных качеств, которыми обладающая ими личность щедро и бескорыстно одаривает других. Для них ужасом является вырождающееся чувство, которое говорит: «Все для меня». Правда, такое величие духа удел немногих, а оно-то и предает смысл самому существованию человека. Понимая невозможность реализации в конкретных условиях идеала уникальности и неповторимости в жизни каждого человека, Ницше уточняет этот тезис в том смысле, что каждый человек должен отдать жизнь служению делу создания грядущих совершенных личностей. Абсолютность личного бытия не может быть реализована в каждой личности, и значит огромное количество «низших» личностей в своем существовании не могут быть признаны самодостаточными значимыми сами по себе, а должны рассматриваться только как средство, «материал» для достижения.

Достаточно легко возмутиться идеей сверхчеловека Ницше, но непозволительно представлять это возмущение как опровержение. По сути, идея сверхчеловека – это отказ от культа слабости, униженности,

навязанного религией лицемерия и возрождение идеала сильной и свободной личности. Таких людей пока нет и, в принципе, идеал сверхчеловека, нарисованный Ницше, невозможен и утопичен. Совершенно прав М. К. Мамардашвили, утверждая, что «Ницше знал, что сверхчеловеками мы не станем, но, стремясь быть сверхчеловеком, мы станем хотя бы людьми» [37]. Именно в этом и заключается смысл ницшеанского идеала сверхчеловека, той истинной морали, которую он формулирует. Важно то, что он поставил перед человеком труднейшую дилемму: мораль или свобода. Выбор самого мыслителя был в пользу свободы, но не столько свободы от морали, сколько свободы для морали, новой и истинно свободной. Никто, как Ницше, не призывал с таким отчаянием к бегству в царство свободы интеллекта и никто с такой силой не почувствовал, что наступающее столетие несет с собою нечто новое и ужасное, что старая эпоха отмирает, а в ее предсмертных конвульсиях рождаются античеловеческие режимы. Правда, чрезвычайно подвижный и восприимчивый ум, мощный порыв вдохновения не дают ему ни времени, ни силы доводить свои мысли до конца. Поэтому философия Ницше содержит в себе ряд существенных противоречий, которые и составляют почву для различных, порой диаметрально противоположных, оценок его нравственно-философского творчества [38].

Библиографические ссылки

1. Борзов Е. С. Гуманистический потенциал философии и власти Ф. Ницше // Воля к диалогу: проблемы современного гуманизма. – Нижневартовск, 2007. – С. 112.
2. Бугера В. Е. Социальная сущность и роль философии Ницше. – М. : КомКнига, 2004.
3. Франк С. Л. Соч. – М., 1990. – С. 6–64.
4. Борзов Е. С. Указ. соч.
5. Лавриенко В. Н. Философия. – 2-е изд. – М., 2002. – С. 125.
6. Там же.
7. Аблеев С. Р. История мировой философии. – М., 2002. – С. 232.
8. Ницше Ф. Генеалогия морали // Избр. произв. : в 2 кн. Кн. 2. – М., 1990. – С. 137.
9. Ницше Ф. Помрачение кумиров // Указ. произв. Кн. 1. – М., 1990. – С. 349–352.
10. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – С. 178–179.
11. Там же. С. 182.
12. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла : избр. произв. : в 2 кн. Кн. 2. – М., 1990. – С. 156.
13. Там же.
14. Там же. – С. 182.
15. Ницше Ф. Антихрист. Соч. в 2 т. Т.2. – М. : Мысль, 1990. – С. 643.
16. Ницше Ф. Так говорил Заратустра. – С. 26.
17. Светлов Р. В. Античный неоплатонизм и александрийская эзотетика. – СПб., 1996. – С. 19–57.
18. Ницше Ф. Антихрист. Соч. в 2 т. Т. 2. – М. : Мысль, 1990. – С. 643.
19. Ницше Ф. Помрачение кумиров. – С. 366.
20. Там же.
21. Там же. – С. 147.
22. Ницше Ф. Очерки несвоевременного // Избр. произв. : в 2 кн. Кн. 1. – М., 1990. – С. 401.
23. Там же.
24. Там же. – С. 402.
25. Ницше Ф. Генеалогия морали // Избр. произв. Кн. 2. – М., 1990. – С. 147.
26. Ницше Ф. Помрачение кумиров. – С. 366–367.
27. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. – С. 299.
28. Там же. – С. 299–300.
29. Там же. – С. 271.
30. Ницше Ф. Генеалогия морали. – С. 106–108.
31. Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. – С. 298.
32. Ницше Ф. Автобиография. – С. 413.
33. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Элинизм и пессимизм : избр. произв. : в 2 кн. Кн. 1. – М., 1990. – С. 52–53.
34. Делёз Ж. Ницше / пер. с фр., послесл. и коммент. С. Л. Фокина. – СПб., 1997. – С. 46–47.
35. Ницше Ф. Очерки несвоевременного. – С. 411.
36. Ницше Ф. Генеалогия морали. – С. 43–44.
37. Мамардашвили М. К. Эстетика мышления // М. К. Мамардашвили. Философские чтения. – СПб., 2003. – С. 188.
38. Ницше Ф. О пользе и вреде истории для жизни : сб. – Минск, 2004. – С. 114.